

Секция «Журналистика»

Антропонимы в романах Владимира Набокова

Кириенков Игорь Демьянович

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет журналистики, Селятино, Россия
E-mail: left101right@gmail.com*

Понимание набоковской антропонимии – один из ключей к творчеству писателя, во многом определившему стилистическое своеобразие литературы XX века. Техническая изощренность текстов В. Набокова обусловлена в первую очередь развитым языковым чутьем автора, точным выбором слов, в том числе имен собственных. Таким образом, внимательное изучение антропонимов в романах Владимира Набокова позволяет глубже понять его творческий метод, по-новому открыть для читателя его художественный мир.

В набоковской библиографии есть семь романов с антропонимами в названии («Машенька», «Защита Лужина», «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Лолита», «Пнин», «Ада, или радости страсти», «Лаура и ее оригинал»). Героини названы по именам, причем всегда гипокористическим. Использование уменьшительного имени собственного свидетельствует, как правило, о положительном эмоционально окрашенном отношении к персонажу, но для Набокова характерен обратный прием: его Магда, Лида, Эммочка, Марфинька, Лолита, Ада – типологически сходные образы дьявольского начала, которое автор снова и снова обнаруживал в женщинах. Опровергают сложившуюся традицию и мужские антропонимы, в частности Лужин. В пику Достоевскому расчетливый делец из «Преступления и наказания» оказывается однофамильцем гениального шахматиста – персонажа, близкого мироощущению Набокова, то есть полной противоположностью жениха Авдотьи Раскольниковой.

Переезд в Новый свет в совокупности с мультикультурным воспитанием и образованием определил особенности набоковской прозы американского периода. Сосуществование русских и иностранных антропонимов (например, Тимофей Пнин, Лиза Винд, Джоана Клементс) в едином текстовом пространстве объясняется художественной задачей, поставленной автором перед собой, – отобразить столкновение и постепенную диффузию культурных сред. Ранние романы (главным образом, квазинемецкий цикл) уже населяли иностранцы; В. Набоков применил свой опыт использования типичной национальной антропонимии (Франц, Марта, Курт Драйер, Бруно Кречмар, Роберт Горн, Магдалена Петерс, Герман) для создания новых произведений уже на американском материале.

Буквы в набоковских текстах обретают визуальный смысл. Так, начальные литеры имен собственных Цинциннат и Пьер в «Приглашении на казнь» – почти зеркальные отражения друг друга. Пьер – палач, и первая буква его имени представляет собой перекладину; Цинциннат – творец, которому уготовано перейти в другой мир: «Ц» – открытая буква, позволяющая подняться вверх. С помощью редкого встречающегося приема (алфавитный иконизм) В. Набоков создал цельную языковую ткань, где каждое

слово несет в себе смысл и идею: даже такой простой антропоним, как R. в «Прозрачных вещах», указывает на «Я» автора.

Антропонимы в произведениях Владимира Набокова выполняют важные композиционные и стилистические функции: они формируют текстовое пространство его романов, служат вместилищами авторских идей и подспудно выражают писательские оценки и суждения. Уникальность набоковского опыта заключается в преодолении чужой культурной среды при максимальном использовании скрытых возможностей национальной антропонимии и шире – русского и английского языка вообще.